

Ли Боюй

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУН ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «НЕЛЮБОВЬ» А. ЗВЯГИНЦЕВА)

В статье предлагается методика обучения китайских студентов русскому языку с учетом лингвокультурологических лакун в восприятии фильма А. Звягинцева «Нелюбовь»; дается анализ проведенного исследования, в котором выявлялись степень и характер различия в понимании фильма с целью определить основные области внимания в построении курса РКИ, имеющем лингвокультурологический подход. Показано, что различие в восприятии и понимании русского фильма обусловлено различием в содержании ключевых концептов русской и китайской культуры, отраженных в фильме: «семья», «любовь» и «нелюбовь».

Ключевые слова: русский язык, лингвокультурология, концепт, семья, любовь, нелюбовь.

Li BoYu

THE USE OF LINGUOCULTURAL LACUNAS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE TO CHINESE STUDENTS (BASED ON THE FILM “LOVELESS” BY A. ZVYAGINTSEV)

The article proposes a methodology for teaching Russian to Chinese students by means of using linguocultural lacunas in the perception of A. Zvyagintsev's film, “Loveless”. The authors present an analysis of the study, in which the extent and nature of the differences in understanding the film were revealed, in order to identify the core areas that require attention when organising a course of Russian as a Foreign Language with a linguoculturological approach. The outcomes suggest that the difference in the perception and understanding of the Russian film is due to the difference in the essence of the fundamental concepts of Russian and Chinese culture that are reflected in the film, i. e. “family”, “love” and “loveless”.

Keywords: the Russian language, linguoculturology, concept, family, love, loveless.

Лингвокультурологический подход к работе с художественными фильмами в рамках обучения РКИ подразумевает освоение не только языковой картины мира, но и более широкой концептуальной картины мира.

Так как языковые и концептуальные картины мира различных народов не совпадают полностью, надо учитывать возможность некорректного понимания фильмов, созданных в другой культуре и на другом языке, когда более глубокие культурные слои смыслов остаются недоступными для иноязычных зрителей. Для представителей разных культур степень доступности/недоступности

учебного материала (художественного фильма, как в нашем случае) будет разной. Поэтому учебный курс РКИ целесообразно строить, опираясь на лингвокультурологическую специфику восприятия учебного материала той или иной национальной группы студентов, не пытаясь унифицировать дидактические приемы для представителей разных культур. Стремясь создать методику обучения РКИ с использованием лингвокультурологических основ восприятия текста, мы должны учитывать характер и особенности лингвокультурологических лакун в картине мира китайских студентов.

Под лингвокультурологической лакуной понимается отсутствие в текстах одной культуры элемента, связанного с этнической и социальной историей другого народа и затрудняющего понимание этих текстов реципиентами другой культуры. Более общее определение понятия «лакуна» дается в толковом словаре ключевых слов русского языка: «лакуна — это несовпадение, отсутствие эквивалента, возникающее при сопоставлении понятийных, языковых, эмоциональных и т. п. категорий двух или нескольких культурных общностей» [9, с. 266]. В работе Б. В. Дашидоржиевой «Лакуна в межкультурной коммуникации» лингвокультурологические лакуны занимают промежуточное место между лингвистическими и экстралингвистическими (культурологическими) лакунами [2, с. 57].

Лингвокультурологическая специфика восприятия фильма «Нелюбовь» китайскими студентами основана на культурных особенностях семейных отношений в Китае. В работе У Синьюй, изучающей особенности китайского концепта «семья», отмечается, что «специфическими особенностями семьи в китайской культуре являются долговременность и общность социально-экономических интересов членов семьи, совместно проживающих в рамках единого коллектива. Вплоть до середины XX века для китайцев была характерна некая “растворенность” в семье, полное подчинение личных интересов потребностям семьи» [11, с. 111]. Как отмечает автор, в отличие от Китая, в России традиционные устои семьи начинают подвергаться изменениям уже при Петре I, и традиции семейных отношений не являются достаточно стойкими. В Китае же изменения начались только во второй половине XX века и до сих пор не оказали существенного влияния на прочность семейных отношений. Кроме того, удерживать традиции помогает и обращение к заветам конфуцианства, предписывающего строгую иерархию членов семьи, наличие оппозиции «младшего» и «старшего», в которой последний всегда прав [11, с. 111–112].

Стоит также отметить такие особенности китайского концепта «семья», как его семантическая многозначность, выделенная в работах как китайских (У Синьюй [11], Ян Фан [12], Ли Цзянь [3]), так и русских (И. А. Селезнева, Л. В. Бабина [7]) исследователей. Ян Фан пишет: «“Семья” в китайском языке имеет значение “жилище”, “дом”; а также может обозначать и человека, специалиста, занимающегося какими-то науками в школе или университете. Слово “семья” может играть роль обращения к старшему родственнику; также этим словом называют выращенных в домашних условиях животных; “семьей” называются и имена числительные; это понятие может обозначать фамилию и др. У слова “семья” в китайском языке гораздо больше значений, чем в русском» [12, с. 251–252]. Например, слово «ученый» (科学家) в китайском языке образуется двумя лексемами — «科学» (наука) и «家» (семья). Здесь лексема «семья» обозначает, что человек, занимающийся наукой, должен формировать **собственную** научную школу.

Культурологическую специфику традиционной китайской семьи и особенности семейных отношений можно описать, сравнив фильм А. Звягинцева с похожей картиной китайского режиссера Питера Чана «Родной мой» (Цинь Ай Дэ) 2014 года. Китайская кинолента повествует о молодой разводящейся семье, в которой пропадает двухлетний сын. Родители, даже разводясь и сильно ссорясь, продолжают поддерживать контакт друг с другом ради ребенка и после его похищения обоюдно посвящают себя поиску сына. Так как полиция не могла им помочь, они объединяются с группой других родителей, чьи дети также были похищены. Продолжая искать своего сына на протяжении более четырех лет, они находят его в семье бесплодной женщины (уже вдовы), у которой на попечении двое детей: мальчик (сын героев) и старшая дочь. Женщина воспитывала этих детей как своих, веря своему мужу, что они подкидыши.

Важным отличием сравниваемых фильмов является то, что в фильме «Родной мой» не демонстрируется и даже нивелируется личная жизнь уже разведенных родителей пропавшего ребенка, в то время как А. Звягинцев подчеркивает, что каждый родитель Алеши Слепцова продолжает жить «для себя», имея свою «другую» жизнь. Для китайского менталитета это невозможное поведение, так как ребенок является центром и важной ценностью семьи, остающейся важной даже тогда, когда семья развалилась. Благополучие детей традиционно ставится выше благополучия родителей, например, супруги, желающие развестись, воздерживаются от этого шага, если у ребенка в ближайшее время важный экзамен и семейные разногласия могут хоть как-то помешать ему сохранить душевное равновесие перед столь ответственным моментом.

Еще одной важной особенностью при сопоставлении русского и китайского фильмов является ценность мальчика как продолжателя рода в китайской культуре, особенное счастье для китайской семьи, когда есть двое детей: мальчик и девочка. Китайская пословица гласит: «儿女双全» (дочь и сын — пара для целой семьи). До 2011 года действовал закон «одна семья — один ребенок», который не позволял достичь этой желаемой гармонии, более того, как показано в фильме «Родной мой» на примере второстепенных героев, при невозможности подтвердить смерть давно похищенного ребенка родители не могли завести другого. Стоит также заметить, что проблема похищения детей является наболевшей для Китая, что еще раз демонстрирует, что ребенок в китайском сознании — одна из ключевых ценностей жизни.

Таким образом, для китайской культуры семья и дети являются важными ценностями. Отношения внутри семьи регулируются традициями уважения и почитания старших, четким разделением семей жены и мужа, предпочтением расширенной семьи и важностью мнения старших членов семьи в ре-

шении широкого круга вопросов, а также в урегулировании конфликтов. Эта культурная база объясняет особенности восприятия фильма «Нелюбовь» китайскими студентами.

Семья в русской культуре, отраженная в фильме А. Звягинцева «Нелюбовь», имеет этнокультурные и социально-исторические особенности, определяемые как на уровне лексических толкований, так и на уровне раскрытия концептуального содержания.

В словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и Толковом словаре ключевых слов русского языка основным значением лексемы «семья» является «группа близких родственников, часто живущих вместе» [9, с. 503]. Для китайских же словарей характерно толкование лексемы «家庭» (семья) как единицы общества или социальной единицы. Таким образом, общность, единство и сплоченность китайской семьи подразумеваются уже самим определением данного понятия, поэтому не требуется уточнения о совместном проживании родственников, как в словарях русского языка.

Для раскрытия концепта «семья» русского языка и, соответственно, для выделения его ключевых элементов обратимся к исследованию Н. Н. Рухленко, представленному в «Антологии концептов», составленной под редакцией В. И. Карасика, И. А. Стернина [6, с. 28–39].

Ядро русского концепта «семья» состоит из субъектов (членов семьи) и чувств (объединяющих субъектов). Данный концепт строится из пяти микрополей: 1. семья как единый организм (понятая как субъект); 2. жена; 3. муж; 4. дети; 5. родители. При выделении двух фреймов: 1) кровное родство и 2) родство по супружеству — микрополя создают три слота: «Родители — Дети»; «Муж — Жена»; «Семья как единый организм (понятая как субъект)» [6, с. 28–39].

Стоит заметить, что концептуальными признаками лексемы «Дети» в рамках концепта «семья» являются: слабый; несущий Божью благодать; имеющий индивидуальность; нуждающийся в матери; находящийся

на попечении родителей, воспитываемый; приносящий радость и горе родителям; любимый родителями, несмотря на недостатки, и т. д. [6, с. 28–39]. Общие концептуальные признаки микрополей «Дети» и «Родители»: самое необходимое в жизни человека; самый родной человек; самое дорогое, ради чего можно пожертвовать жизнью [6, с. 28–39]. Если учесть, что прототипическая черта лексем «Дети» — «любимый и воспитываемый родителями», то можно сделать вывод о такой же тесной связи родителей и детей, как и в китайской культуре. Однако отдельным слотом русского концепта «семья» представлены отношения «Муж — Жена», что снимает с детско-родительских отношений статус основной оси семьи.

Для слота «Муж — Жена» характерны образы-ассоциации, которые наделяют мужчин и женщин не только идеями укрепления семьи (друг, хозяйка, советчица, умелец, защитник, пример и т. д.), но и идеями ее разрушения (скандалистка, разлучница, пьяница, деспот, бабник и т. д.). Когда речь идет об отношениях «Родители — Дети», наличие положительной связи и взаимной любви является постоянным признаком. В отношениях же «Муж — Жена» мы наблюдаем некоторую вариабельность, когда речь идет о двух взрослых людях, сформировавших семью.

Важной составляющей ядра концепта «семья» являются чувства членов семьи друг к другу. На этом основании автор исследования данного концепта Н. Н. Рухленко выделила две базисные модели: 1 — положительная и 2 — отрицательная, которые различаются доминирующими в семье эмоциями (положительные или отрицательные). В контексте работы с фильмом «Нелюбовь» А. Звягинцева приведем пример базисной модели 2 (из работы Н. Н. Рухленко), где доминируют отрицательные эмоциональные состояния: «Дома отец был изгоем. От него отгораживались, его не понимали и не принимали таким, каким он был. От своих родителей он всегда приходил молчаливый и угрюмый, но никогда не жаловался. Он чувствовал ка-

кую-то нелюбовь к себе и очень переживал. Только однажды он с горечью произнес: “Я там чужой. Вы знаете, я им не нужен. Они смотрят на меня равнодушными глазами. Я для них — пустое место. Жаль, что родню не выбирают” (Н. М.)» [6, с. 37].

Важным словом в данном примере является лексема «нелюбовь», которая характеризует чувства в семье, где ребенок оказывается чужим, ненужным, точно так же, как мы видим это в фильме А. Звягинцева «Нелюбовь». Чтобы более детально раскрыть чувства, которые доминируют в обеих базовых моделях семьи (положительные либо отрицательные), обратимся к концептам русского языка «любовь» и «нелюбовь».

В Толковом словаре ключевых слов русского языка *любовь* определяется прежде всего как «чувство глубокой эмоциональной привязанности к кому-либо, обычно основанное на врожденной, инстинктивной потребности; чувство искреннего расположения, симпатии, преданности к кому-либо, основанное на взаимопонимании, уважении, благожелательном отношении и т. п.» [9, с. 280]. В своем исследовании концепта *любовь* Л. Е. Вильмс выделяет такие особенные признаки этого концепта, как: 1) самое важное в жизни человека; 2) безрассудность в проявлении любовных переживаний вызывает понимание / сочувствие / жалость; 3) без страданий нет любви; 4) душа = сердце — сосредоточие любовных переживаний; 5) «любовь» — благо, данное свыше: она связана с мистикой; 6) плохо быть легкомысленным в любви, проявлять безответственность; 7) «любить» можно вечно («до последнего вздоха» = физическая смерть; и «до безумия» = духовная смерть) [1, с. 148–149].

Толкование слова «нелюбовь» мы нашли только в Толковом словаре Ожегова, где дается такое определение значения этого слова: «Отсутствие любви, неприязнь» [4]. На наш взгляд, можно рассматривать слово «нелюбовь» на основании содержания фильма как концепт, к ядру которого относятся

признаки, ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПРИЗНАКАМ концепта *любовь*: 1) отсутствие положительных эмоций по отношению к объекту; 2) отсутствие некой психологической связи между субъектом и объектом; 3) крайне отрицательные эмоции, переживаемые субъектом; 4) низкая оценка свойств и качеств объекта; 5) может иметь физиологическую основу нелюбви (отвращение, брезгливость); 6) может быть вызвана определенными свойствами или действиями объекта; 7) может обладать активным характером с целью причинения вреда; 8) социальная изоляция объекта нелюбви (не общаться, игнорирование, изгнание); 9) эмоциональная холодность к объекту нелюбви; 10) интеллектуальная основа нелюбви (непонимание, неуважение).

Вышеописанные когнитивные признаки концепта «нелюбовь», характеризующие особенности модели несчастливой семьи (по исследованию Рухленко), можно видеть в картине А. Звягинцева «Нелюбовь». Данная модель отношений в семье, как и признаки проявления нелюбви, являются для китайской аудитории лингвокультурологическими лакунами.

В качестве примеров, вербально подтверждающих наше мнение, рассмотрим три отрывка разбираемого фильма.

Сцена диалога родителей Леша (Женя и Борис) с координатором поисково-спасательного отряда (Иван) (59:54–01:01:31)

Иван (И.): Итак, начнем сначала. Алеша Слепцов. Двенадцать лет. <...> Скажите мне вот что, какие у мальчика интересы, хобби, спортивные секции.

Женя (Ж.): Нет, ничего такого. Хобби нету, спортом не занимается, мне кажется, он по большей части дома сидит.

И.: Кажется? Понятно. Если дома, значит компьютер? Ноутбук у него на столе?

Ж.: Да.

<...>

И.: Доступ к его почте? К аккаунтам в социальных сетях? Адреса, телефоны его друзей и подруг, знакомых?

Ж.: У него один только друг. Кузнецов, кажется.

И.: Мхм (междометие). Опять кажется. Ладно.

<...>

Ж.: У мужа никого, а у меня только мама, она в Подмосковье живет.

Борис (Б.): Мы там уже года три не были. Вряд ли пацан помнит.

И.: Пацан? Понятно.

Именно в этой сцене мы узнаем фамилию наших героев — Слепцовы. Если мы заглянем в Толковый словарь Ожегова, то увидим, что слепец — это не только слепой (незрячий) человек, но и человек, обманывающийся в чем-нибудь, не замечающий того, что очевидно для всех (книжн.). Можно сказать, что родители Алеша многого не видят, например, они не видят друг друга, своего сына и то, что они делают с его и своей жизнью. Подобное отношение можно назвать равнодушием, т. е. чувством, противоположным любви.

Ивана (координатора поисково-спасательного отряда) смущает слово «кажется», которое произносит Женя (мать Алёши), и слово «пацан», которое произносит Борис (отец Алёши). Человек, который не видит другого человека, не может говорить наверняка о его интересах, друзьях, особенных чертах характера или даже внешности, поэтому ей только «кажется». То же касается и Бориса, который не видит своего ребенка, не признает его своим и себе нужным, он не может назвать сына сыном, он употребляет лишенное родительских чувств дворовое слово «пацан», которое показывает отсутствие связи между ребенком и родителями. Эти признаки соответствуют тому, что относится к концепту «нелюбовь», а именно: социальная изоляция объекта нелюбви, эмоциональная холодность, непонимание.

Сцена разговора Леша с мамой за завтраком (16:30–17:52)

Леша (Л.): Я больше не хочу.

Мама Леша (М. Л.): Доедай, выбрасывать, что ли (*не поднимая глаз от телефона*).

Л.: Я больше не хочу (*насувлено и зло*).

М. Л.: Какао пей (*продолжая смотреть в телефон*). Что квелый такой? Заболел?

Л.: Я не квелый (*сквозь зубы и сжав кулак*).

М. Л.: Ладно, оставь, я уберу. А спасибо?

Л.: Спасибо (*из другой комнаты и с одолжением*).

В данной сцене мы видим полное игнорирование ребенка и его мнения — для матери важнее ее телефон и представления, что выбрасывать еду нехорошо, нежели сын и его чувства. Она обращает внимание, что Леша плохо себя чувствует, но не пытается понять причину состояния ребенка и исправить его настроение в лучшую сторону. Вместо этого она предъявляет ему претензию «А спасибо?», считая, что ее сын неблагодарный, подчеркивая, что он для нее обуза. Здесь можно наблюдать пример отсутствия психологической связи между матерью и ребенком, т. е. того, что должно составлять суть детско-родительских отношений (как это было видно по содержанию концепта *семья*).

Сцена разговора родителей Леша с его бабушкой (01:09:20–01:11:53)

Б.: Ой, вежливая-то какая, посмотрите-ка на нее... Алеша потерялся! Чё напридумывали, что ли, да? <...> Я тебе тогда говорила и сейчас скажу — я с ним сидеть не буду!

<...>

Б.: А ты меня не учи. Чёт это ты меня тут учишь-то?! Кого мне стесняться? Я у себя дома, между прочим. Ишь, вы! Дуру тут из меня делаете! Приперлись, среди ночи! Как воры! <...> Кормить вас нечем. На одну пенсию живу.

Всю вышеприведенную сцену характеризуют нелюбовь, недоброжелательность, грубость и взаимные обиды между дочерью и матерью. Мать позволяет себе унижать и оскорблять дочь. Ненавидит эта пожилая женщина и своего внука, отказываясь приютить его у себя — «я с ним сидеть не буду!». Помощь бабушек в воспитании и заботе о внуках традиционна для русской культуры и потому столь нехарактерный образ злой

и не любящей внука бабушки только сильнее подчеркивает «нелюбовь» как ключевое слово для определения отношений в этой семье. Более того, бабушка Леша даже не воспринимает исчезновение мальчика как горе — «Алеша потерялся (*ерничая*)! Чё напридумывали, что ли, да?» Взаимная нелюбовь, недоверие, непонимание и неприязнь настолько велики, что не позволяют проявить сочувствие к близким даже в столь трагичный момент.

В этой сцене собраны примеры почти всех когнитивных признаков, противоположных любви: отсутствие положительных эмоций, отсутствие психологической связи, низкая оценка свойств и качеств объекта ненависти, отвращение, социальная изоляция ненавистного объекта, эмоциональная холодность, непонимание и неуважение.

Таким образом, можно видеть, что изображаемая в фильме «Нелюбовь» семья Слепцовых и отношения между ее членами далеки от традиционных представлений о семье в Китае, что, безусловно, вызывает непонимание китайскими студентами лингвокультурологических особенностей картины А. Звягинцева, а также отдельных лексем.

Как пример достоверности выделенных различий в национальной специфике понимания семьи и семейных отношений России и Китая можно привести статистические данные разводов в обеих странах за 2018 год. Так, в Китае на 10,1 миллиона зарегистрированных браков приходится только 3,8 миллиона разводов [8], что составляет 38%. В России же на 923 тыс. зарегистрированных браков в 2018 году пришлось 589 тыс. разводов, что составляет почти 64% [5]. Таким образом, можно говорить о том, что ситуация, которую рисует А. Звягинцев в своем фильме, психологически помогает раскрыть некоторые особенности несчастливой российской семьи. Невольно вспоминаются слова Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [10, с. 20].

Планируя разрабатывать курс обучения РКИ по фильму А. Звягинцева «Нелюбовь», мы провели небольшое предварительное исследование с целью выявить лингвокультурологическую специфику понимания / непонимания данного фильма китайскими студентами. В рамках этого исследования на вопросы специально подготовленной анкеты ответили 16 китайских респондентов, посмотревших фильм «Нелюбовь». Для сравнения была взята совокупность ответов русских респондентов на вопросы анкеты, а также отзывов обычных русских зрителей и профессиональных кинокритиков, письменно выраженные позиции которых были подвергнуты нами лингвокультурологическому анализу.

Особые различия в ответах русских и китайских респондентов явно очерчены в рамках уже первого вопроса: *«Как Вам кажется, о чем этот фильм? Опишите идею фильма в одном предложении»*.

Для китайских респондентов идея фильма «Нелюбовь» заключена, по большей части, в трех словах: любовь, семья, ответственность. Более конкретно смысл фильма сводится к семейным отношениям, где царят эгоизм родителей (их стремление к собственной эгоистичной свободе) и нехватка родительской заботы о сыне. Чаще всего при ответе на этот вопрос дается краткий пересказ сюжета фильма, где на первый план выходит идея ответственности родителей за ребенка (которая приоритетна для китайского языкового сознания) и отмечается эгоизм родителей, очень редкий для китайской культуры.

Русские же респонденты обобщают идею фильма более абстрактно. В их ответах говорится о человеческой безответственности по отношению к своей жизни, о губительном влиянии нелюбви на бытие в целом, о пустоте человеческих душ в современном мире, о рутинности и замкнутости убогого человеческого существования. Например: *«Фильм о том, что нелюбовь не совместима с жизнью, с бытием, т. е. нелюбовь уничтожает*

живое и жизнь как таковую» или *«Этот фильм об отсутствии возможности людей увидеть, что они делают со своей жизнью, об отсутствии возможности осознать разрушение жизни — своей и своих близких, о практической невозможности разорвать замкнутый круг»*.

В ответах китайских респондентов сочетаются одновременно такие понятия, как любовь, семья, ответственность, эгоизм и отвержение (сына). В ответах на следующее задание: *«Назовите три главных слова, которые характеризовали бы основные смысловые точки данного фильма»*, наряду с часто встречающимися словами **любовь, семья, ответственность**, упоминаются 1) чувства: печаль, депрессия, грусть, беспокойство; 2) погодные явления: холод, пасмурно; 3) такие слова, как реальность (реализм), повседневность.

Среди русских респондентов слово «любовь» в ответах на второе задание не встречается совсем, но зато почти всегда повторяется слово «нелюбовь». При этом и остальные слова в ответах на задание имеют негативную семантику: 1) погодные явления: холод, оледенение, серость, мгла; 2) чувства: боль, беспросветность, безнадега, депрессивность, тоска; 3) слова: рутина, пустота.

Таким образом, мы видим, что в ответах русских респондентов нет слов с положительной семантикой. Это дает основания предположить, что концепты «любовь», «нелюбовь» и «семья» в китайском языке значительно отличаются от тех же концептов в русском языке. Представляется, что для китайского языка концепт «нелюбовь» является частично лакунарным. Отсюда в построении системы упражнений для обучающего курса РКИ особое место должна занять работа с содержанием концептов «любовь», «нелюбовь» и «семья» в русском языке на фоне родного китайского языка.

Интересны ответы китайских респондентов на задание: *«Напишите 3–5 предложений о своем впечатлении от фильма (понравился / не понравился и почему)»*. Те, кому фильм

понравился, основным его достоинством называют точное соответствие реальности. Та же часть китайских респондентов, которым фильм не понравился, упрекают его в депрессивности и холодности, общем негативном тоне.

Отсюда можно заключить, что большинством китайских респондентов была выделена только общая тема фильма — семейные отношения, при этом культурологическая специфика этих отношений в рамках семьи Слепцовых, т. е. национальная специфика фильма и, соответственно, поступки, которыми эта идея иллюстрировалась, остались вне понимания студентов. Косвенным подтверждением этой мысли служит сопоставление ответов русских и китайских респондентов на вопрос о том, «*Какие детали фильма можно назвать общечеловеческими?*». Так, для русских респондентов общечеловеческими являются прежде всего семейные отношения и возникающие в них сложности. Спектр же ответов китайских респондентов весьма широк: 1) важность бережного отношения к людям и любви в целом; 2) идеи

о том, что любовь спасет мир; 3) о наследуемости проблем родной семьи из поколения в поколение; 4) о том, что люди не меняются; 5) о том, что любовь есть даже там, где мы ее не видим (герои фильма оправдываются как любящие родители, хоть и переживающие тяжелые времена); 6) о том, что хорошее начало не гарантирует хороший конец; 7) о возможности задуматься над проблемами общества и эгоизма. Были и такие респонденты, которые общечеловеческой идеи выделить не смогли.

Таким образом, лингвокультурологическая специфика восприятия фильма «Нелюбовь» китайскими студентами обусловлена различием в наполнении прежде всего такого концепта, как «семья», в китайской и русской языковой картине мира. Поэтому при построении курса РКИ, основанного на работе с данным фильмом А. Звягинцева, необходимо раскрыть содержание концептов «семья», «любовь» и «нелюбовь» в обеих культурах, чтобы помочь китайским студентам освоить те стороны значения русских концептов, которые им были недоступны ранее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вильмс Л. Е. Любовь // Антология концептов. Т. 1 / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 138–150.
2. Дашидоржиева Б. В. Лакуна в межкультурной коммуникации (спецкурс): учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. 122 с.
3. Дюзенли М. В., Цзянь Ли. Ассоциативные репрезентации концепта «Семья» в сознании современной российской и китайской молодежи // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 29–34.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
5. Россия: предварительные демографические итоги 2018 года (часть I). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0801/barom04.php> (дата обращения: 25.07.2019).
6. Рухленко Н. Н. Семья // Антология концептов. Т. 4 / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 28–39.
7. Селезнева И. А., Бабина Л. В. Объективация представлений о семье в русском, английском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 2. С. 139–144.
8. Статистический отчет Министерства гражданских дел (КНР). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mca.gov.cn/article/sj/tjjb/qgsj/2018/20181201301328.html> (дата обращения: 25.07.2019).
9. Толковый словарь ключевых слов русского языка / под общ. рук. Г. Н. Складчиковской. СПб.: СПбГУ, 2014. 672 с.
10. Толстой Л. Н. Анна Каренина: в 3 т. М.: Типография Т. Рис, 1878.
11. У Синьюй. Лингвокультурологическая специфика концепта «семья» в русской и китайской культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 105. С. 110–115.
12. Ян Фан. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия ТПУ. 2013. № 6. С. 250–255.

REFERENCES

1. Vil'ms L. E. Lyubov' // Antologiya konceptov. T. 1 / red. V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd: Paradigma, 2005. S. 138–150.
2. Dashidorzhieva B. V. Lakuna v mezhkul'turnoj kommunikacii (spekurs): uchebno-metodicheskoe posobie. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2013. 122 s.
3. Dyuzenli M. V., Czyan' Li. Associativnye reprezentacii koncepta «Sem'ya» v soznanii sovremennoj rossijskoj i kitajskoj molodezhi // Russkij yazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii. Ekaterinburg: UrFU, 2015. S. 29–34.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. M.: Azbukovnik, 1997. 944 s.
5. Rossiya: predvaritel'nye demograficheskie itogi 2018 goda (chast' I). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0801/barom04.php> (data obrashcheniya: 25.07.2019).
6. Ruhlenko N. N. Sem'ya // Antologiya konceptov. T. 4 / red. V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd: Paradigma, 2006. S. 28–39.
7. Selezneva I. A., Babina L. V. Ob'ektivaciya predstavlenij o sem'e v russkom, anglijskom i kitajskom yazykah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 2. S. 139–144.
8. Statisticheskij otchet Ministerstva grazhdanskih del (KNR). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.mca.gov.cn/article/sj/tj/b/qgsj/2018/20181201301328.html> (data obrashcheniya: 25.07.2019).
9. Tolkovyj slovar' klyuchevyh slov russkogo yazyka / pod obshch. ruk. G. N. Sklyarevskoj. SPb.: SPbGU, 2014. 672 s.
10. Tolstoj L. N. Anna Karenina: v 3 t. M.: Tipografiya T. Ris, 1878.
11. U Sin'uj. Lingvokul'turologicheskaya specifika koncepta «sem'ya» v russkoj i kitajskoj kul'turah // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 105. S. 110–115.
12. Yan Fan. Koncept «Sem'ya» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira // Izvestiya TPU. 2013. № 6. S. 250–255.